

**АЛИЕВА А.П.**

*Бакинский славянский университет*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ  
ТВОРЧЕСТВА Л. Н. ТОЛСТОГО В АСПЕКТЕ  
ОПРЕДЕЛЕНИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНЫХ МОТИВОВ  
ПОВЕДЕНИЯ**

*Açar sözlər: şüüraltı, nəzəriyyə, L. N. Tolstoy, transfer, həyasən, mənəviyyat*

*Ключевые слова: бессознательное, теория, Л. Н. Толстой, трансфер, тревога, духовность*

*Key words: unconscious, theory, L. N. Tolstoy, transfer, anxiety, spirituality*

Основная предпосылка заявленного исследования состоит в утверждении, что в произведениях Л. Н. Толстого содержится материал по бессознательно-психическому, способный пролить свет на механизм его проявления и влияния на поведение человека. Следовательно, изучение бессознательного в текстах этого писателя должно опираться на предшествующую традицию. Эта традиция раздваивается, кроме того, оба направления были заложены самим З. Фрейдом. Первое направление представлено в контексте фрейдовских клинических исследований феномена бессознательного и его влияния на работу сознания. Второе направление также связано с именем З. Фрейда и его попытками распространить созданную им теоретическую матрицу на явления культуры, философии и искусства. Таким образом, анализ работ австрийского ученого, проведенных им в обоих направлениях, способен создать теоретические принципы исследования творчества Л. Н. Толстого в указанном направлении.

Наконец, даже поверхностное знакомство с творчеством Л. Н. Толстого дает основание для широкого привлечения его к психоанализу. Разумеется, сама методика психоанализа при этом не будет содержать в себе ни-

чего нового. Новое будет связано с обнаружением, интерпретацией и систематизацией фактов бессознательного психического и его влиянием на поведение в произведениях Л. Н. Толстого.

Чисто терминологически концепт «бессознательное» мало о чем говорит. Как и всякий системный термин, его необходимо рассматривать в актуальной для него парадигме. Такой парадигмой для бессознательного является «сознание-бессознательное-сверхсознательное» или, по терминологии самого Фрейда, «эго-ид-суперэго».

Такое явление психической жизни, как бессознательное никак не могло оказаться вне поля зрения исследователей. Оно могло по-разному называться, но поведение человека, когда оно не поддается разумному объяснению, не могло не обращать на себя внимания. Уже Платон в своих диалогах специально останавливается на тех феноменах, которые противоречат разуму человека. Например, в диалоге «Протагор» он специально останавливается на безрассудстве, противопоставляя это свойство рассудительности (1, 442). Тот факт, что у древнегреческого ученого отсутствует сам термин *бессознательное*, мало что значит. На наш взгляд, важно признание безрассудства чем-то характерным для человека. Рассудительность и вообще пользование интеллектом греки считали важнейшим качеством человека. Следовательно, безрассудство человека как разумного существа было в центре внимания.

Термин *бессознательное* обращает на себя внимание уже в силу собственной образной основы. Дело в том, что в обычном представлении внутренний мир человека отождествляется с сознанием. Можно использовать другие известные термины, например, такие как *духовность, психика, душа* и др., так или иначе все они ассоциируются с сознанием. Поэтому термин *бессознательное* производит на первый взгляд впечатление парадоксальной игры слов. Как может нечто, относящееся к внутреннему миру человека, считаться лишенным сознания, быть бес-сознательным. Или быть вне сознания, но при этом относиться к сознанию. Возможно, глубина фрейдовского открытия как раз и находит отражение в этом парадоксе.

Феномен бессознательного исторически вносит закономерный разлад в представления о сознании. В самом деле мысли о целостности сознания противостоят мысли о структуре сознания, когда некоторая его часть может не поддаваться рефлексии. С другой стороны, термин *сознание* становится частным термином по отношению к общему, который должен распространяться как на сознание, так и бессознательное. Иными словами, «сознание» перестает быть глобальным понятием, охватывающим или призванным охватить все многообразие психических процессов.

Бессознательное противоречит сознанию как осознанию того, что происходит с индивидом, способности понимать пространственно-

временные параметры бытия. Встает закономерный вопрос о параллельном существовании сознательного и бессознательного. Действует ли их механизм одновременно, или одно из них исключает другое. Ответы на все эти вопросы предполагают знание не только механизма проявления данных феноменов, но и знания самих этих феноменов, того, что они представляют собой на самом деле.

История открытия феномена бессознательного имела место в точном соответствии со значением самого термина и его соотношением с понятием сознания. Интересно, что З. Фрейд, будучи практикующим врачом, оперировал понятием «сознание». Следовательно, *бессознательное* определялось как «несоответствующее сознанию» (2). Иными словами, сознание признавалось как способность к восприятию и пониманию. Поскольку в процессе работы с больными обнаруживалась прослойка или пласт психических явлений, не поддающихся осознанию, он (этот пласт) находился за пределами того, что могло расцениваться как сознание. Отсюда следовало, что сознание не носило глобального характера, и оно не могло отождествляться с понятием психической жизни.

Метод свободных ассоциаций, к которому пришел Фрейд в результате работы с пациентами в клинике, дал ему основание признать, что механизм рефлексии независимо от воли больного в каких-то моментах подвергается торможению. Вообще ассоциативный механизм всегда носит свободный характер, в том смысле что он зависит от той структурной связи, которая складывается до момента ее актуализации. Например, если пациенту задается некоторый тематический план, от которого он отталкивается, то все равно цепь ассоциаций носит свободный характер. Саму ассоциативную цепь задать невозможно. Более того, врач или кто-либо другой ее не в состоянии предугадать.

Механизм свободных ассоциаций заключается в том, что пациент или вполне здоровый человек начинает говорить все, что ему приходит в голову. В случае заданных ассоциаций может быть задана только тема или ключевое слово, сам же ассоциативный механизм будет и в этом случае носить свободный характер. В этой связи необходимо сделать оговорку, что в такого рода свободе и в первом, и во втором случае будет проявляться на очень глубоком уровне детерминированность ассоциаций. Это обстоятельство непосредственно связано с тем, что само мышление человека носит ассоциативный характер.

Как известно, Фрейд начинал с лечения истерии и пытался найти причины заболевания и методы лечения. Истерия исследователями определяется как разновидность невроза, причем важно, что ее этиология связана с целым рядом факторов, как соматовегетативных, так и эмоциональных. Кроме того, истерия носит ситуативно обусловленный характер, т.е. соот-

ветствующее состояние стимулируется определенной конфликтной ситуацией. Фрейд совершенно закономерно пытался найти физиологические причины истерии, поскольку был воспитан научной традицией XIX в.

Интересно, что обычно истерию относят к неврозам, которые относительно легко поддаются словарным дефинициям, но достаточно сложны и неоднозначны. У самого Фрейда невроз выступает как психическое расстройство. Мотивом является определенный конфликт, однако знаки такого рода душевного конфликта представлены в форме определенных символов. Иными словами, по Фрейду, знаки невроза или его симптомы, внешние показатели актуализируются в форме некоторых символов. Эти символы содержат указание на тот самый конфликт, который стал причиной невроза.

К.Хорни выдвигает на передний план понятие «тревожности» (3), при этом она указывает, что можно испытывать сильную тревогу, не отдавая себе в этом отчета. К.Хорни ищет причины невроза как в существующих формах цивилизации, так и в психике индивида. Она утверждает, что именно современная культура становится причиной очень сильной тревоги, столь характерной для наших современников.

Для Хорни важно было дифференцировать невротические состояния, обусловленные реальной опасностью и в случае отсутствия реальной опасности. Тревога связывается с субъективным состоянием человека, ощущением собственной беспомощности, хотя состояние беспомощности имеет место и в случае реальной угрозы.

Исследователи разграничивают «тревогу» и «тревожность», определяя последнюю как склонность к тревоге. Отсюда следует, что тревожность носит субъективный характер. Иными словами, она возникает без видимых причин. Кроме того, она носит чуть ли не постоянный характер, являясь одним из важных свойств индивида. Однако принято считать, что причиной тревожности могут являться не только психические, но и соматические заболевания. Возникает вопрос, насколько справедливо в случае соматического происхождения данного состояния рассматривать его все же как субъективное.

Тревожность неправомечно также считать всецело субъективным состоянием, поскольку она чаще всего является результатом тех отношений, которые складываются между индивидом и средой. Трудно понять и то, что тревожность может анализироваться как нечто ситуативное. Когда ученые говорят о тревожности как устойчивом состоянии, то это вполне логично с точки зрения дифференциации ее и тревоги. Именно в этом случае она может служить одной из характеристик индивида. Суть в том, что в этом случае она носит необоснованный и немотивированный характер, в силу чего она и является субъективной.

Признавая возможность ситуативного возникновения состояния тревожности, мы фактически переводим наши рассуждения в совершенно иную

плоскость, суть которой заключается в последовательной мотивации. Тревожность в таком случае приобретает причинно-следственную подоплеку и перестает быть субъективной характеристикой. Ситуативная тревожность вполне закономерно может характеризовать и здоровых людей. Очень часто совершенно здоровые люди демонстрируют свое душевное состояние в определенном диапазоне, полярными точками которого являются здоровье и болезнь. Если судить исключительно по ситуативной мотивации поступков, то не всегда просто однозначно определить душевное состояние человека и дать его психическую характеристику.

Характерно, что и в случае тревоги можно говорить не только о мотивированном, но и о немотивированном возникновении этого состояния. Тревога связана с ожиданием чего-то неприятного, опасности. Суть в том, что индивид приходит в такое состояние, когда тягостное предчувствие бед становится доминирующим. Почему возникает такое состояние, не всегда является определенным. На наш взгляд, даже в тех случаях, когда тревога может считаться беспочвенной, могут и должны существовать скрытые мотивы тревоги. Например, очень часто тревога связана с неосуществимостью надежд индивида на будущее. Далеко не каждый человек способен строить реальные планы. С другой стороны, не каждый способен прилагать должные усилия для осуществления намеченной программы. Между тем сам факт наличия представлений о будущем, на наш взгляд, является неотъемлемой частью духовного мира любого человека. Иными словами, человеческая личность устремлена в будущее. Существенной же характеристикой системы личностных представлений о будущем является оптимизм. Надежды на будущее благо являются важным свойством данной модели, и в тот момент, когда модель, которая может условно быть обозначена как *оптимистическая*, трансформируется, ломается, возникает состояние тревоги. От тревожности это состояние отличается отсутствием очевидной склонности. Поскольку *оптимистическая* модель поддается разрушению, следует искать причины подобной деформации. Ясно, что они различны в каждом конкретном случае. Индивид может встречать серьезные реальные препятствия на пути осуществления своих планов. Если это приводит к психическим расстройствам, то обычно говорят, что человек сломался под воздействием неблагоприятных обстоятельств.

Однако вполне реальна и совершенно другая ситуация, когда индивид настолько завышает требования к жизни и соответственно свои надежды, что он запрограммирован на неудачу. В этом случае невроз обеспечен.

Следует отметить, что понятие «трансфера», связываемое с именем З. Фрейда, носит совершенно закономерный характер и в случае возникновения состояния тревоги и приобретения им более или менее устойчивого, стабильного характера. Дело в том, что сам факт перенесения на другого, в

данном случае нейтрального, человека чувств, испытанных когда-то к кому-то, является совершенно естественным состоянием для любого индивида, в том числе и совершенно здорового. Суть такого перенесения заключается в специфике ассоциативного мышления. Как известно, человек мыслит ассоциациями, что само по себе создает прочную основу для перенесения. Широко известны случаи, когда психически вполне здоровые люди переносят на едва знакомых людей чувство любви к своим братьям и сестрам, детям и родителям. Для этого необходимо одно условие, чтобы объект перенесения напоминал объект любви. Можно было бы подумать, что существует и другое немаловажное условие – отсутствие объекта любви. Однако опыт свидетельствует, что для перенесения чувства любви на другого отсутствие объекта любви не обязательно. Так, обычным явлением можно считать симпатию пожилых людей к молодым, если они напоминают им собственных детей.

Все отмеченные состояния психики прослеживаются в произведениях Л. Н. Толстого, что позволяет говорить о том, что творчество писателя предоставляет богатейший материал для изучения механизма бессознательной мотивации поведения.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. М.: Мысль, 1990.
2. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1991.
3. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. СПб.: Питер, 2002.

## XÜLASƏ

Məqalə L.N.Tolstoy yaradıcılığının öyrənilməsinə həsr olunub. Tədqiqatın predmetini davranışın qeyri-şüuri motivlərini müəyyən etmək təşkil edir. Göstərilir ki, hisslərin keçirilməsi Tolstoyun qəhrəmanları üçün ən səciyyəvi haldır. Digər tərəfdən, müasir insanları səciyyələndirən narahatlıq hissi bu yazıçının bütün əsərlərində qabarıq şəkildə nümayiş olunur. Tədqiqat göstərir ki, qeyri-şüuri hərəkətlər haqqında psixoloji nəzəriyyə L.N.Tolstoy yaradıcılığında öz təsdiqini tapır.

## SUMMARY

The article deals with the study of works by L.N.Tolstoy. The purpose of the research is to define the unconscious motives of behavior. It is shown that experiencing feelings is characteristic to the heroes of Tolstoy. From the other hand anxiety which is intrinsic to modern people is widely displayed in all works by the author. The research shows that psychological theory on unconscious actions is proved true in the works by L.N.Tolstoy.